

*Элез А.Й.,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института Африки
Российской академии наук*

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО УЧЕНИЯ О МАТЕРИИ И ФОРМЕ В ИСТОРИИ МАТЕРИАЛИЗМА

Аннотация. Учение Аристотеля о материи и форме стало итогом развития предшествующей философской мысли, которая поднялась от поисков субстратного начала вещей к поискам причины движения и к пониманию субстанции как диалектического единства. Последующая философия использовала это диалектическое и материалистическое учение как фундамент философского понимания бытия, при этом чаще всего искажая его в идеалистическом духе.

Ключевые слова: Аристотель, материя, форма, субстанция, движение, бытие, причина.

Материя у Аристотеля не есть еще бытие, неотъемлемым достоянием которого является актуальность, наличность. Она – один из компонентов бытия, которое, как субстанция (сущее как таковое), представляет собой единство материи и формы, возможности и действительности. Бытие есть оформленная (и оформляющаяся) материя. Оно неотделимо от актуально существующих (ставших, осуществленных) вещей, т. е. – ни в коем случае не понятие, мысль о сущем как таковом, а действительное многообразие реальных вещей. В предмет философии – *сущее как таковое* – Аристотель включает *начала и причины* всего: «то, что мы ищем, – это начала и причины существующего, притом, конечно, поскольку оно существующее» [1, 1025 b 3-4]. Аристотель не сомневается не только в реальности внешнего мира [см. об этом: 4, 327], но и в движении этого реального мира, поэтому его интересует не только субстратное начало, но и причина движения этого мира: «верно также и то, что философия называется знанием об истине... Но мы не знаем истины, не зная причины» [1, 993 b 20, 23].

Объясняя мир сущих с помощью двух начал: материи (=субстрата, возможности) и формы (=сущности, цели, энтелехии), Аристотель не отделяет этих начал друг от друга. «Последняя материя и форма, – пишет он, – это – одно и то же, но одна – в возможности, другая – в действительности; так что искать причину того, что вещь едина, или причину единства между материей и формой – одно на другое очень похоже: ведь каждая вещь есть сама по себе нечто единое, и точно так же существующее в возможности и существующее в действительности в известном смысле – одно, так что здесь нет никакой другой причины единства, кроме разве того, что оказывается вызвавшим движение из состояния возможности в состояние

действительности» [1, 1045 b 18-24]. Аристотель настойчиво подчеркивал отличие вводимой им формы от платоновских «идей»: форма определяет качественную особенность вещей и не существует сама по себе помимо их материи: «на самом деле [форма] обозначает такую-то качественность [в вещи] и не есть [как таковая] некоторая определенная вещь» [1, 1033 b 22]. Отделить друг от друга материю и форму можно лишь в абстракции (этим и занимается первая философия), но не в действительности. Но как конкретно связаны материя с формой, каков механизм самоосуществления, саморазвертывания бытия? На этот вопрос Аристотель отвечает учением о движении, понятием по существу как становление, как переход из возможного в действительное: «я под движением разумею реальное осуществление того, что является возможным, поскольку оно таково... А происходит движение тогда, когда имеет место самое осуществление, и ни прежде, ни позже» [1, 1065 b 16, 21-22].

Аристотель осознавал противоречивый характер движения, отразить которое можно не иначе, как с помощью противоположных определений: находящееся в движении *есть*, поскольку становится, и *не есть*, поскольку еще не стало (например, строящийся дом). Движение есть реальное существование несуществующего. «Движение, правда, является некоторого рода реальною действительностью, но при этом – незавершенно: ибо незавершенным является то возможное, которое в [данном] движении осуществляется [реализуется]. Поэтому-то и трудно постичь, что такое движение: в нем приходится видеть или некоторую лишенность, или возможность, или непосредственную действительность» [1, 1066 a 20-24].

Как становление, движение есть способ существования отдельных вещей. Но оно есть одновременно реализация, актуализация материи как бесконечной возможности. Движение и есть реальная связь материи с формой, непосредственная действительность бытия как единства возможности и действительности.

Рассмотрение движения под углом зрения категорий материи и формы, потенции и энтелехии позволило Аристотелю понять движение не только как движение отдельных, конечных вещей, но одновременно как движение бытия, – иными словами, раскрыть субстанциально необходимый характер движения.

Дело обстоит не так, что движутся лишь конечные вещи, а бытие – неподвижно. В движении сущих реализуется и в этом смысле движется бытие: «движение есть энтелехия существующего в потенции» [2, 201 а 12]. Но ведь существующее в потенции еще не существует актуально как отдельное сущее. Это значит, что движение начинается не с уровня сущих, не есть статус лишь феноменов, преходящих явлений, – его необходимость лежит во внутренне противоречивой природе самого бытия, являющегося неразрывным единством материи и формы. С другой же стороны, энтелехия есть принцип определенности, завершенности, осуществленности, и в этом смысле принцип существования конечных вещей. А это значит, что «не существует движения помимо вещей» [2, 200 в 32]. За два тысячелетия до так называемого «кризиса в физике» Аристотель считал невозможным абстрагироваться от вопроса о том, *что движется*, и отрывать движение от материального субстрата: «я имею в виду, что необходимо должно быть нечто движущееся» [2, 227 в 24], «не существует движения отдельно от вещей» [1, 1065 в 7].

Таким путем Аристотель избегает антитезы, на которой остановились элеаты: либо бытие, либо мир изменчивых сущих. Он находит синтез бытия и сущих в понимании бытия как бесконечного процесса оформления материи (субстанциалистический – или, как мы сказали бы теперь, материалистический – монизм аристотелевского учения о материи и форме был наиболее точно охарактеризован В.Зеньковским [см.: 5, 15–16]). Так Аристотель перекидывает мост от движения бытия к движению сущих и от движения сущих к движению бытия. Перекидывает мост, но не отождествляет одно с другим. Вслед за своими выдающимися предшественниками, он отличает движение на уровне бытия от движения на уровне конечных вещей. «Всякое изменение, – пишет он, – по природе есть выходение из себя» [2, 222 в 16]. Но так изменяются лишь конечные вещи. Движение в сфере вещей складывается из изменений, каждое из которых конечно: «ни одно изменение не является бесконечным, так как всякое изменение идет из чего-нибудь во что-нибудь как изменение по противоречию, так и по противоположности. Итак, пределом для изменений по противоречию являются утверждение и отрицание, например, для возникновения бытие, для уничтожения небытие, для изменений по противоположности сами противоположности» [2, 241 а 27-32]. Отсюда следует тот важный вывод, что вечность движения нельзя вывести, оставаясь в пределах рассмотрения отдельных вещей, каждая из которых начинает и кончает свое движение вместе с началом и концом своего бытия. Поэтому вопрос о вечности движения есть тот пункт, где обнаруживается необходимость перехода с уровня анализа сущих на уровень анализа бытия (материи).

Напомним, что К.Маркс употребляет термин «материя» согласно аристотелевской традиции. В «Материализме и эмпириокритицизме» В.И.Ленина *материя* выступает в менее, так сказать, стандартном значении, в значении субстанции; лишь в «Философских тетрадах» у В.И.Ленина намечается подход к категории субстанции, включающей как материю, так и причину («форму», по Аристотелю). У К.Маркса же материя выступает, в старом классическом смысле, как не обладающая сама в себе силой, – как и у Аристотеля. К.Маркс в «Капитале» показывает структуру «вещественного момента (т. е. *сущего* – А.Э.), который внутри самого себя различается как материя (сырье и орудие) и форма (труд)» [6, 254]; у К.Маркса же мы встречаем меткое выражение «мёртвая материальность» [6, 253]. Но, «так как природа, – как утверждал Аристотель, – двойка: она есть и форма и материя» [2, 194 а 14], Ф.Энгельс, выписав у Геккеля фразу о том, что сначала-де возникла материя, а уж потом материя (вещество) – создала силу, движение и т. п., – замечает в изумлении: «где он выкопал свой материализм?» [7, 523]. Уже наиболее пронизательным досократикам было ясно, что признание бескачественной абстрактной субстанции ведет к отказу от категории субстанции, к трактовке ее как чистой игры воображения и, следовательно, к упразднению предмета философии, что субстанция лишь тогда может быть объективной реальностью, когда она является субъектом всех своих изменений. Ведь всеобщее существует лишь постольку, поскольку существует *единичное*; а единичные вещи должны всегда *возникать*, переходить из небытия в бытие, а этот переход и есть *движение*. Поэтому Ф.Энгельс выступает против концепции Дюринга, ибо «мир г-на Дюринга на самом деле начинается с такого именно бытия, которое лишено всяких внутренних различий, всякого движения и изменения и, следовательно, фактически является всего лишь аналогом мысленного ничто, т. е. представляет собой действительное ничто. Лишь из этого *бытия-ничто* развивается теперешнее дифференцированное, изменчивое состояние мира, представляющее собой развитие, *становление*» [8, 43]. По этому вопросу Ф.Энгельс обращается к «Философии природы» Гегеля: «подобно тому как нет движения без материи, так нет и материи без движения» [7, 560]. Ф.Энгельс указывает, что «материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же несотворимо и неразруσιμο, как и сама материя» [8, 59]. Подобно К.Марксу, Ф.Энгельс делит «вещественный момент» на материю и форму, утверждая: «предмет – движущееся вещество» [7, 563].

Эту структуру бытия понимал уже Аристотель, с которого, собственно, и начинается подлинно философское мышление и который задолго до нас разделил «вещественный момент» на материю (сырье) и фор-

му (труд): «наприклад, причинами статуї [окажуться] искусство ваяния и медь – и это не по отношению к чему-нибудь разному, а поскольку она статуя; только [причины эти] разного рода: одна как материя, другая как «откуда движение»» [2, 195 а 6-9].

Но, коль скоро в *бытие* (материю, субстанцию, сущее как таковое, «вещественный момент») включена не только *материя* (субстрат, вещество, начало, протяженность), но и *форма* («идея», движение, причина, «упорядочивающая мудрость», «ум»), монистический принцип (тождественный признанию за философией права на существование) требует объединить эти два начала в единой первооснове-первопричине мироздания. «Первая материя и форма не могут служить причиной существования друг друга; имеется некая причина, определяющая существование той и другой вместе» [9, 723], – утверждает Фараби, выбирая энгельсовскую, а не геккелевскую позицию в этом принципиальном вопросе.

В качестве принципа индивидуации выступает – в аристотелевской философской традиции – форма: «не форма определяется материей, но скорее материя формой; в форме надлежит искать основание, почему такова материя, а не наоборот» [10, 851]. Это объективно приводит философию к идеалистическим выводам. Как заметил Иоанн Итал, человек именуется человеком по своей форме, ибо именно ею, а не материальным наполнением (протяженностью, телесностью) он отличается от коня или быка [см.: 11, 628]; отсюда – переход к концепции вечной формы, или перводвигателя (как мы это увидим уже на примере Аристотеля) – ведь и до Спинозы с его понятием *causa sui* философам было ясно, что «причинно-следственный ряд возможных вещей не может ни тянуться до бесконечности, ни составлять круговорот; он необходимо должен восходить к чему-то необходимому, а именно к первому сущему» [9, 719].

И Фараби, и Аквинат вышли из Аристотеля. Но одна линия делала основной упор на субстанции как основе самой себя (и своих, соответственно, проявлений), другая – на субстанции как *причине* самой себя (и своих, соответственно, изменений). Первая линия замыкала на самой себе материю (без формы), создавая материализм без диалектики; вторая замыкала на самом себе активное начало, форму (без материи), создавая диалектику без материализма.

Где же происходит объединение разошедшихся после Аристотеля линий – линии субстратного (материального) единства мира и линии организационного (формального) единства мира – тем более, что последняя приводит к духовному единству мира, к идеализму? Такое объединение происходит в концепции Спинозы, в которой субстанция есть и основа себя, и причина себя, – и основа изменяющихся модусов, и субъект всех их изменений, т. е. выступает как *causa sui* по отношению к обоим своим атрибутам: и «про-

тяженности» (материи), и «мышлению» («идея», «форма»). Точно так же, хотя и на иной субстанциальной основе, утверждается мировоззренческий монизм в системе Гегеля; не случайно, конспектируя гегелевские «Лекции по истории философии», В.И. Ленин указывает, что в натурфилософии объективный идеализм чаще равен материализму, отстаивая Аристотеля с его концепцией перводвигателя (формы форм) от обвинений в идеализме [4, 255]. Скажем в скобках, что если в *натурфилософии*, согласно В.И. Ленину, объективный идеализм чаще равен материализму, то относительно *гносеологии* объективного идеализма не лишним будет вспомнить оценку Ф.Энгельсом отношения Гегеля к «вещи в себе»: «таким образом, Гегель здесь гораздо более решительный материалист, чем современные естествоиспытатели» [7, 556].

В учении Аристотеля именно неуничтожимость вещественного субстрата и формы как индивидуализирующего начала обеспечивает непрекращаемость движения как становления всё новых и новых сущих. Материя и неразрывно связанная с нею форма вечны, что значит: не сотворены и не превращаются друг в друга и в иное, и это – абсолютное условие всякого существования: «всё возникает из подлежащего и формы» [2, 190 b 20]; когда, например, возникает из воды воздух, та же самая материя, утверждает Аристотель, становится другим телом не путем присоединения чего-либо, а просто – что было в потенции, становится актуальным.

Материя, следовательно, есть нечто предельно бедное (чистая потенция, «мертвая материальность») и абстрактное: «ведь если отнять у тел их качества, отношения, состояния, модусы, движения, изменения и все прочее, то останется материя» [12, 627], – указывает Михаил Пселл, – хотя, сетует Аристотель, кое-кто считает именно эту бесформенную субстанцию сутью бытия вещи: «Некоторым кажется, что природа и сущность природных предметов – это то первое, само по себе бесформенное, что заключается в каждом из них, например природа ложа – дерево, а статуи – медь» [2, 193 а 10-12].

Аристотель решает проблему диалектически: с одной стороны, определением вещи является ее форма, а не материя; с другой стороны, коль скоро материя в данной вещи (а, следовательно, и вообще в реальности) выступает непременно как оформленная, она – на уровне сущих (хотя это, правда, уже не философский уровень) – может считаться какой-то конкретной. Поэтому Аристотель и ставит о материи вопрос: «не есть ли она и составная часть определения? Ведь о том, что такое медные круги, мы говорим двояко: о материи – говоря, что это медь, и о форме – говоря, что это такая-то фигура (а фигура есть первый род, к которому принадлежит круг). Значит, медный круг имеет и материю в своем определении» [1, 1033 а 1-5]. Аристотелевская традиция тонко уловила диа-

лектику всеобщего и единичного, единство коих было бы реально невозможным, не будь опосредствующего звена: индивидуального; именно оно-то и позволяет существовать *единичному всеобщему*, единичному бытию: «таким образом, ясно, что бытие каждой вещи, обозначаемое как первичное и само по себе сущее, и сама эта вещь тождественны и составляют одно» [1, 1032 а 4-6]. Предостерегая против идеалистического отождествления всеобщего (материи) с *понятием*, Фома Аквинский задолго до Л.Фейербаха писал: «как нет «человека вообще» без «этого человека», так нет «материи вообще» без «этой материи». Однако всякая самосущая вещь, составленная из материи и формы, составлена из индивидуальной формы и индивидуальной материи» [10, 862]. Ведь «материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом, люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения» [7, 550]. В самом деле, «кто же будет понимать само сущее иначе, чем как определенное сущее как таковое» [2, 187 а 9]?

Согласно Аристотелю, остановиться на дуализме материи и формы значило бы не пойти дальше частных наук. Точно так же и познание материи и формы не как таковых, а *разных*, индивидуальных, – всё еще (или уже) не философский уровень мышления. «К тому же материя принадлежит и к [категории] отношения, так как для разной формы [требуется] разная материя. До какого же предела физик должен знать форму и суть [вещи]? Не так ли, как врач [знает] сухожилия, а кузнец – медь, т. е. до известного предела, а именно ради чего существует каждая вещь, и притом [только] о тех, которые отделимы по форме, но заключены в материи. Ведь человек порождает человека, но и Солнце [также]. Но как обстоит дело с отделимостью [от материи] и что она такое – определить это надлежит первой философии» [2, 194 в 8-15], – указывает Аристотель в «Физике», обозначая таким образом границы познания сущего *физикой*.

Из сказанного ясно, что Аристотель понимал под формой:

«Формой я называю суть бытия вещи» [1, 1035 в 31-32];

«Суть бытия вещи есть сущность» [1, 1038 в 17];

«Сущностью называется то, что не сказывается о субстрате» [1, 1038 в 15];

«Между тем все полагают, и давно уже было сказано, что определение имеется или только для сущности, или главным образом для нее» [1, 1039 а 18-20];

«Ведь сущность вещи, выраженная в определении, есть ее форма» [3, 403 в 2-3].

Итак, пройдясь по кругу категорий, мы опять возвратились к категории формы; *причина* же является как бы общим знаменателем для этого, по сути дела, перечня синонимов и пояснений: «стало быть, ясно, что ищут причину. А причина, если исходить из

определения, – это суть бытия вещи; у одних вещей причина – это цель, как, скажем, у дома или у ложа, а у других – первое движущее: это ведь тоже причина» [1, 1041 а 28-32] (Из этой цитаты видно, что, по Аристотелю, сущность вещи заключается в причине и способе ее возникновения; вспомним классический пример из «Капитала» К.Маркса: сущность денег понята, как только понята их происхождение!);

«Так что ищут причину для материи, а она есть форма, в силу которой материя есть нечто определенное; а эта причина есть сущность» [1, 1041 в 8-9].

Итак, Аристотель понимал, что «из материи, как таковой, необъяснимо не только мышление и познание, но и самые явления внешнего мира: необъяснимы движение, генезис, качественные изменения вещей; необъяснимы качества, чувственные свойства вещей и конкретные соотношения явлений; необъяснима самая *организация* природы, как в ее целом, так и в строении родов и видов живых существ. Из *материи* нельзя объяснить *понятия* вещей, или, точнее, того, что соответствует такому понятию, т. е. *формы* вещей, в которой мы познаем их, в которой они существуют и являются нам. Эта форма, определяемая в наших понятиях, и делает вещи тем, что они суть, или, если угодно, она-то и есть самая сущность вещей» [13, 34].

Оценивая позднейшее развитие «линии Демокрита» и «линии Платона», следует признать – с классовой точки зрения – вполне естественным, что «деятельная сторона», по словам К.Маркса, развивалась не материализмом, а именно идеализмом, ибо только в пролетарском материализме принцип практики мог быть обращен не на человеческий (в той или иной степени обезличенный) дух, а на преобразование реальной действительности, и диалектика могла стать подлинной «алгеброй революции».

Глубочайшее учение Аристотеля о форме как атрибуте субстанции, воплощающем ее активность, очень часто фальсифицируется в идеалистическом духе, что соответственно провоцирует необоснованные нападки материалистов на Аристотеля. Аналогичная ситуация, кстати, возникала и в связи с учением Спинозы о *мышлении как атрибуте субстанции*; но примерами с Аристотелем и Спинозой не исчерпываются случаи, когда материалисты разбрасываются своими надежнейшими и авторитетнейшими союзниками, отдавая их щедро идеализму вместо того, чтобы с их помощью бороться против идеализма. Стоит ли удивляться, что материалистам после того, как они (в той или иной степени) отдали на откуп идеалистам практически всю домарксистскую философскую классику, пришлось заниматься выкапыванием третьестепенных и давно забытых философской традицией мудрецов (так называемых «мыслителей прошлого») и выклеивать жемчужные зерна материализма в их теориях (умещающихся – вместе с биографиями и библиографиями

– в брошюрах карманного формату), даби не остаться *совсем без союзников* и не оказаться со своим материализмом вообще, как сказал бы В.И. Ленин, в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации.

Важным элементом учения Аристотеля о материи и форме, бесспорно, является концепция формы форм, божественного перводвижателя, но эта концепция заслуживает отдельного рассмотрения.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 63–367.
2. Аристотель. Физика / Аристотель. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 59–262.
3. Аристотель. О душе / Аристотель. Соч. в 4-х т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 369–448.
4. Ленин В.И. Философские тетради / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 1–620.
5. Зеньковский В.В. Основы Христианской философии. – Т. II. Христианское учение о мире / В.В. Зеньковский. – Париж: YMCA-press, 1964. – 186 с.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 46. – Ч. I. – С. 3–508.
7. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 20. – С. 339–626.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 20. – С. 1–338.
9. Фараби / Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1969. – Т. I. – Ч. 2. – С. 717–729.
10. Фома Аквинский / Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1969. – Т. I. – Ч. 2. – С. 823–862.
11. Иоанн Итал / Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1969. – Т. I. – Ч. 2. – С. 627–629.
12. Михаил Пселл / Антология мировой философии. – М.: Мысль, 1969. – Т. I. – Ч. 2. – С. 626–627.
13. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование / С.Н. Трубецкой. – М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. – [4], 459 с.

Елез А.Й. До питання про місце аристотелівського вчення про матерію та форму в історії матеріалізму. – Стаття.

Анотація. Вчення Аристотеля про матерію та форму стало підсумком розвитку попередньої філософської думки, що піднялась від пошуків субстратного початку речей до пошуків причини руху і до розуміння субстанції (буття) як діалектичної єдності. Наступна філософія використала це діалектичне та матеріалістичне вчення як фундамент філософського розуміння буття, при цьому найчастіше перекручуючи його в ідеалістичному дусі.

Ключові слова: Аристотель, матерія, форма, субстанція, рух, буття, причина.

Elez A.J. On the Question of the Place of Aristotle's Doctrine of Matter and Form in the History of Materialism. – Article.

Summary. Aristotle's doctrine of matter and form was the result of the development of preceding philosophical thought, which rose from the search of the substrate beginning of things to the search of the causes of motion and to understanding substance (being) as a dialectical unity. Further philosophy used that dialectical and materialist doctrine as the basis of the common philosophical understanding of being, while often idealistically distorting it.

Key words: Aristotle, matter, form, substance, motion, being, cause.